

Катица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы : справочник. – 8-е изд., стереотип. – М. : Флинта, 2011. – 296 с.

Кравченко Н.Ю. Физика : учебник и практикум для СПО. – М. : Юрайт, 2016. – 300 с.

Морозова Л.Ю. Учебное пособие по Литургике для слушателей богословско-катехизических курсов. – Кемерово : Издательский отдел Кемеровской и Новокузнецкой епархии, 2011. – 111 с.

Софронова Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. – СПб. : Алетейя, 2010. – 296 с.

Третьяков Е.О. Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя. – Томск : STT, 2015. – 354 с.

Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. – М. : Знак, 2007. – 536 с.

Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учеб. пособие. – М. : Флинта, 2013. – 748 с.

Янушкевич А.С. Философия и поэтика гоголевского Всемира // Феномен Гоголя : материалы Юбилейной междунар. науч. конф. – СПб., 2011. – С. 33–49.

“THE WOLF FIFTH” IN NICOLAI GOGOL’S “ST. JOHN’S EVE”

The paper analyzes images and motives related to music in Nicolai Gogol’s “St. John’s Eve”. We use the musical metaphor of the “wolf fifth” as a key to the tragic plot of this story.

Key words: Nicolai Gogol; “St. John’s Eve”; music motive; the wolf fifth.

УДК 821.161.1.09

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ И ИХ РОЛЬ В РОМАНЕ Ю. БУЙДЫ «КЁНИГСБЕРГ»

Д.А. Клещина

*Научный руководитель: Л.Н. Скаковская,
доктор филологических наук, профессор (ТвГУ)*

В статье рассматривается роль устных рассказов в романе Юрия Буйды «Кёнигсберг», их влияние на раскрытие характеров героев, развитие сюжета. Анализируются способы конструирования мифологического через устные рассказы, выстраивание и размытие границ между реальным и вымышленным в романе.

Ключевые слова: устные рассказы; миф; мифотворчество; Ю. Буйда; «Кёнигсберг».

Роман Ю. Буйды «Кёнигсберг», как и другие многие его произведения, включает в себя одновременно две противоположных стороны бытия – комическую и трагическую; они, в свою очередь, в каждом конкретном рассказе или романе проявляются в разной степени [Гулиус 2005: 221]. Такой трагикомический характер произведений автора объясняется в том числе тем, что произведения Ю. Буйды содержательно показывают и миф, и реальность. С одной стороны, подобное совмещение позволяет автору выстроить определенную современную интерпретацию архаической картины мира, где миф сливается воедино с реальностью,

слово с действием, а вымышленное с настоящим. С другой стороны, именно благодаря устным рассказам появляется возможность проследить изменение мироустройства в произведении и связь этих трансформаций с процессом становления личностей героев.

Таким образом, становится очевидно, что одним из главных приемов, используемых Ю. Буйдой для достижения слияния и противопоставления мифа реальности, прошлого современному является введение в повествование устных рассказов героев. Само понимание устного рассказа в литературе необходимо объяснить. С одной стороны, это понятие близко к «рассказу» в обыденном смысле слова, т.е. это повествование чего-либо. Однако в данном случае происходит также «сращивание» этого понятия с понятиями повествования и предания. То есть устный рассказ представляет собой смесь рассуждений героя, похожих на небольшую повествовательную историю, наррации, и некоего повествования, передающегося из уст в уста и обрастающего мифическими подробностями.

То есть обычное повествование прерывается и дополняется ситуациями «рассказывания». В них наиболее полно раскрываются и характеры, и образ города. Примечательно, что в них обычно «вовлечены в качестве рассказчиков или слушателей персонажи молодого поколения, поколения Бориса (Борис, его двоюродный брат Костян, его друг и “вечный” спутник Гена Конь, будущая любимая женщина Бориса Катя Урусова)» [Рытова 2008: 230], исключением становится только Вера Давыдовна Урусова. Можно сказать, что склонность к рассказыванию в романе «Кёнигсберг» присуща именно молодому поколению, и это обусловлено историческим периодом: действие произведения происходит в переломную для России и Калининграда эпоху (1980-е годы), при этом Вера Давыдовна становится «мостиком», связывающим два поколения именно благодаря вовлеченности в ситуации устных рассказов. То есть молодое поколение в романе пытается окунуться в прошлое, понять его и интерпретировать с целью познания настоящего, что является неким этапом становления молодого самосознания, которое таким образом «осовременивает прошлое, соединяет его с сегодняшним, нерасшифрованным опытом» [Рытова 2008: 234]. Можно предположить, что это в некотором роде «странствие» героев по своим зонам катарсиса.

Кроме того, необходимо обратить внимание на моменты и места ситуаций устных рассказов. Можно заметить, что места эти часто асоциальные: электричка, столики у «пивнухи», общежитие и т.д.; и само повествование раскрывается читателю как некий способ для героев уйти из тяжелой (неприятной) реальности в мифический мир рассказов, где в том числе оживает старый прусский Кёнигсберг: «Кёнигсберг – это сон, но гуще» [Буйда 2003]. Ситуации «рассказывания» же чаще всего

соотносятся либо с употреблением алкогольных напитков, т.е. неким чувством освобождения от социальных норм и освобождением воображения, либо с пиком эмоциональных страстей.

Герои, прибегающие к устным рассказам, становятся более понятными и полноценными для читателя. Такие монологи раскрывают некоторые стороны биографии и семейной жизни (жизни с родителями), наложившие отпечатки на характеры. Например, Борис рассказывает не только историю своего прадеда, но и историю смерти матери и отца, в этот момент он становится рассудительным в своих чувствах. А когда Вера Давыдовна рассказывает историю своей семьи и «гаврюрки», в героине пропадает притягательная тайна, она становится совершенно простой и понятной. Конь, входящий в ситуации «рассказывания» чаще всего как слушатель, именно благодаря им раскрывается как чуткий и внимательный человек.

Также важно отметить, что именно в ситуациях «рассказывания» чаще всего появляется старый Кёнигсберг (например, ситуация рассказывания Борисом истории его прадеда Адама Григорьева-Сартори Вере Давыдовне, или эпизод объяснения главного героя и Веры Давыдовны Урусовой по поводу детей и т.д.). Эти рассказы, связанные с Восточной Пруссией и ее городом королей, и отрывки прошлого героев одновременно и правдивы, и недостоверны, потому что наполнены мифическими, фантазийными деталями (глаза, выигранные в карты у русалки, ключ от Врат Счастья, истории о выкопанном в пустыне бассейне, «о злой бабе и луковке и Боге» [Буйда 2003] и т.д.).

В то же время герои осознают ирреальность Кёнигсберга: «Настоящий Кёнисберг – не страна счастья, не мечта, – это город королей, которого больше никогда не будет» [Буйда 2003]. И именно это осознание дает им полную свободу в дополнении рассуждений о городе мифическими подробностями. Герои романа как бы специально стирают грань настоящего в устных рассказах, придают таинственность и мифичность как городу, так персонажам рассказа: «Кёнигсберг – это нечто среднее между непознанным и познаваемым» [Буйда 2003]. Иначе говоря, эти ирреальные повествовательные элементы – проявление специфических форм общественного сознания молодых героев романа. Таким образом, герои как бы участвуют в своеобразном мифотворчестве. Учитывая, что в ситуации устного «рассказывания» погружены почти все герои романа (в разных ролях: слушателя, рассказчика, того, кто требует рассказывания, и т.д.), можно говорить о складывании неких представлений о месте человека в мире, о роли счастья и места в его жизни – то есть о создании героями нового мифа о городе, в среду которого они погружены.

Подводя итог, можно отметить, что устные рассказы являются

важнейшим элементом романа «Кёнигсберг», не только выстраивающим взаимоотношения поколений (отношения «отцов» и «детей»), но и помогающим раскрытию характеров героев. Кроме того, именно благодаря ситуациям устных рассказов роман «обогащается» мифологическим, в произведении стирается тонкая грань между реальностью и мифом, а также выстраивается «мост» между реальностью и мифом, прошлым и настоящим, Калининградом и Кёнигсбергом.

Список литературы

Буйда Ю. Кёнигсберг // Новый мир. – 2003. – № 7 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://bookscafe.net/read/buyda_yuriy-kenigsberg-79226.html#p1 (дата обращения: 21.01.2020).

Гулиус Н.С. Интерпретация мировой истории в романе Ю. Буйды «Ермо» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – Томск, 2005. – С. 220–235.

Рытова Т.А. Роль устных рассказов в восстановлении связей «отцов» и «детей» в романе Ю. Буйды «Кёнигсберг» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – Томск, 2008. – С. 225–246.

ORAL STORIES AND THEIR ROLE IN YURI BUIDA'S "KOENIGSBERG"

The paper considers the role of oral stories in Yuri Buida's "Konigsberg", how they disclose the novel's characters, as well as their significance for the plot. We also study development of mythological sense by means of oral stories, and how boundaries between the real and the fictional in the novel are built and blurred.

Key words: oral stories; myth; myth-making; Yuri Buida; "Koenigsberg".

УДК 82.0:82-31

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В РОМАНЕ А.А. АСТВАЦАТУРОВА «НЕ КОРМИТЕ И НЕ ТРОГАЙТЕ ПЕЛИКАНОВ»

Н.В. Ивденко

*Научный руководитель: А.В. Татаринов,
доктор филологических наук, профессор (КубГУ)*

Статья посвящена исследованию нарративной стратегии в романе А.А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов». На основании проведенного анализа делается вывод о том, как проявляются признаки филологического романа в повествовательном аспекте.

Ключевые слова: А.А. Аствацатуров; нарративная стратегия; филологический роман; жанр; событие.

В современном литературоведении интерес к проблеме жанра, возникший еще в XX веке, до сих пор не утратил актуальность. Все более популярным становится исследование «непроявленных» жанров, а одним из эффективных инструментов выявления их особенностей оказывается рассмотрение нарративных стратегий [Разумова 2005: 3]. Это объясняется